

— Ай, поворот!

Резко затормозив, мама свернула вправо. Сзади засигналили.

— Ладно-ладно, — пробормотала мама. — Со всеми бывает. Как вы там?

— Круто! Давай ещё! — радостно заявил Андрюша.

Мама засмеялась. Манера вождения у неё та ещё. Мама об этом знает и делает вид, что внезапные встряски — естественная черта путешествия. Милена только хмыкнула. Машина зашуршала по гравию. Наверное, бóльшая часть пути пройдена. Цивилизация закончилась, их ждёт дикая природа.

За окном мелькал обычный пейзаж Среднего Урала: осинки, берёзы, сосны. Нежно-зелёные листья трепетали на ветру. Между деревьями тут и там виднелись неровные каменные глыбы. Над дорогой лохматилось серыми

облаками низкое, будто осеннее, небо. Лето выдалось холодное. Середина июля, а всё ещё из курток не вылезли. Милена зябко повела плечами и крутанула температурный тумблер вправо. Может, ну её, эту театральную лабораторию?

— Ещё не хватало замёрзнуть на озере!

— Что?

— Холодно, говорю.

— Распогодится, — неуверенно сказала мама. — По прогнозу — двадцать. До чего же мерзкое лето...

Мама мельком взглянула на Милену и, подавив вздох, защебетала:

— Тебе понравится, я уверена! Там же солнечный берег. И остров! Неделя на острове! Представляешь? Андрюша, вот повезло нашей Миле, правда? И Анжела! Волшебный педагог, просто волшебный.

Милена вдруг почувствовала, что не дышит. В последние две недели мама только и говорила, что о замечательной Анжеле. Как будто Милена сама её не знала и не смотрела спектакли маминой однокурсницы чуть ли не с садика!

Милена с шумом втянула воздух.

— Анжела-Анжела! — фыркнула она. — Между прочим, самое лучшее в твоей Анжеле — это

любовь к муми-троллям! — фыркнула Милена. — Только народ у неё в студии уже сто лет занимается. А я там сбоку припёка. Никого не знаю.

— Вот и познакомишься, — улыбнулась мама. — Вообще, полезно знакомиться с новыми людьми. А в театральной студии отличные ребята! Общительные и... креативные.

— Ты уже говорила.

— Вот и хорошо, что ты наконец услышала. А то всё одна да одна.

— Mam, хватит!

Мама шумно вздохнула, и Милена кожей почувствовала, что она изо всех сил старается держать себя в руках.

— Через пятьсот метров поверните направо, — вклинился уверенный голос навигатора.

— Направо? — заволновалась мама. — Направо или налево? Вы слышали?

— Направо!

— Налево! — буркнула Милена.

— Да я просто переживаю, что вы с Дашей... — всё-таки не сдержалась мама.

— Mam! Я же тебя просила! — вскинулась Милена.

— Да-да, извини! Просто хочется понять. Вроде и не из-за чего было ссориться, а...

— Mam!!!

Обязательно было напоминать? Как будто мало Милене собственных переживаний! В середине апреля лучшая подруга вдруг перестала общаться с ней. Не то чтобы совсем. Звонила, если хотела списать домашку. Рассказывала на переменах смешные истории и пересылала любимые мемы. Но всё-таки вела она себя не так, как раньше. Теперь у Даши всегда были срочные дела. Она не хотела в гости к Милене и больше не звала её к себе. Как будто не было шести лет дружбы. словно однажды ночью её захватили инопланетяне и стёрли все важные воспоминания о Милене.

А ведь они с Дашей всегда были заодно. Обе рисовали графические романы и терпеть не могли задавак, любили пиццу «Четыре сыра» и всегда выбирали в «Тёплых енотах» капучино с корицей.

В первые дни Милена думала, что у Даши какие-то неприятности, и пыталась расспросить о них. Но Даша рассеянно пожимала плечами и просила не выдумывать. Весь апрель Милена была сама не своя. А потом она стала догадываться, что у Даши кто-то появился. Кто-то, кого она тщательно скрывала от Милены. И не только от неё. А потом произошла одна неприятная история.

В общем, в июне Милена оказалась совершенно одна. Ни занятий, ни звонков, ни сообщений — полный вакуум. Чтобы отвлечь Милену, мама тащила её то в кино, то на шопинг. А в июле предложила ей поехать на остров, где мамина подруга-режиссёр проводила театральную лабораторию.

Сначала Милена наотрез отказалась ехать. Кривляться на сцене? Сомнительное удовольствие. К тому же на Ежином острове и сцены никакой не будет. Как и нормального туалета! Только комары и оводы. Но потом Милена начала размышлять, кто поедет на необитаемый остров в уральской глуши. По всему выходило, что это должны быть странные люди, которые хотят спрятаться от всего мира. Уж с ними она найдёт общий язык. В отличие от мамы с её сочувствующим взглядом.

Милена провела пальцем по холодному стеклу: с другой стороны окна извилистой молнией пробежала дождевая капля.

— Когда приедем? — подал голос Андрюша. — Надоело!

У брата закончились мармеладные червяки, и Милена протянула ему свою пачку, даже не распечатанную.

— Сейчас-сейчас, — пробормотала мама, поглядывая на маршрут, прочерченный навигатором.

Зелёная линия на экране была прямой и надёжной, но последние несколько минут машина петляла между ветхими дачными домиками.

— Надеюсь, там будет парковка.

— Ты всегда это говоришь, — пробормотала Милена.

— Правда?

«Вы прибыли в пункт назначения!» — радостно сообщил голос-всезнайка.

Мама затормозила и остановила машину.

Они стояли на обочине среди одноэтажных развалюх и не наблюдали никакого пункта назначения.

— Ну вот, как всегда, — раздражённо сказала мама, поглядывая на часы.

— Я тебе говорила! Надо было мне на электричке ехать. Вместе с остальными! — пробурчала Милена.

Вообще-то она даже радовалась, что они опаздывают. Может, удастся обойтись без всей этой затеи с островом? Мама сделала вид, что не слышит, — её любимый способ избежать ссоры. Но Милена так просто не сдастся!

— Говоришь, что мне нужно знакомиться. А сама тащишься со мной на машине. И как я должна налаживать контакты?

Мамины глаза блеснули. Она открыла было рот, чтобы ответить, но вместо этого поджала губы.

— Слушай, причешишь, пожалуйста, опять разлохматилась, — пробормотала она через секунду и уткнулась в навигатор. Волосы у Милены

совершенно непослушные. Расчёсывай не расчёсывай, всё равно через десять минут растреплются и будут торчать во все стороны.

— У меня расчёска в рюкзаке, а рюкзак в багажнике!

Милена вышла из машины. Стоило открыть дверь, как она услышала стук колёс. Оказалось, станция совсем близко, нужно только подняться по узкой улочке. Когда Милена, мама и Андрюша подошли к рельсам, из вагона как раз выбирались девочки с пухлыми рюкзаками под предводительством хрупкой женщины в панаме.

— Тася, прыгай — поймаю! — подбадривала она невысокую девчонку с двумя чёрными косичками, которая топталась в дверях вагона.

Но трудно было поверить, что она поймает кого-то крупнее двухмесячного котёнка. Палатки, спальники, туристические коврики, кепки, панамы и взволнованные взгляды — женщина с улыбкой подавала руку девочкам, пока все шестеро не оказались рядом с ней на платформе. Мама уверенным шагом подошла к группе и слегка подтолкнула Милену:

— Доброе утро! Вот и мы. Анжела ведь предупредила вас?

— Здравствуйте! Да-да. Ты, значит, Милена?

Хрупкая повернулась к Милене и посмотрела ей в глаза, будто изучая. Девчонки тоже молча смотрели на неё. Наконец женщина кивнула и улыбнулась, и вокруг аккуратно накрашенных серых глаз лучиками разошлись морщинки.

— Я Анна Владимировна, руководитель студии современного танца «Рейкьявик». А это самая отчаянная её часть, — хрупкая кивнула в сторону девчонок, переминавшихся с ноги на ногу.

Милена переводила взгляд с одной девчонки на другую. Интересно, какая из них станет её соседкой? Всё-таки им восемь дней жить в одной палатке! Хотелось бы, чтобы это был кто-то приятный.

Анна Владимировна будто прочитала её мысли.

— А Инна наша заболела, представляешь? Та, которая должна была жить с тобой в палатке, — пояснила она, глядя почему-то не на Милену, а на её маму.

Улыбка сползла с маминого лица. Зато уголки губ Милены сами собой поднялись вверх. Ну и отлично, не придётся спорить, кому спать у входа!